

Никита Семин

СЫН ПОМЕЩИКА 9

Никита Семин
Сын помещика 9

«Автор»

2026

Семин Н.

Сын помещика 9 / Н. Семин — «Автор», 2026

Бывший недруг стремится стать партнером в новом деле. Для начала. А из столицы приходит письмо, влияющее на долгосрочные планы Романа. Влияние Романа растет, но вот у его будущего тестя на горизонте сгущаются тучи, о величине которых он еще не знает. П.С. Персонажи в произведении вымышлены, все совпадения - для придания аутентичности описываемому миру, картинки в тексте для создания атмосферы, полного совпадения с героями не имеют

© Семин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Никита Семин

Сын помещика 9

Глава 1

14 октября 1859 года

У вас когда-нибудь были «приветы из прошлого»? А если это — не ваше прошлое? Вот я могу теперь с уверенностью заявить, что у меня такое случилось.

Письмо, врученное мне отцом, было от Николая Ильича Северина — учителя в закрывшейся ныне гимназии, из которой возвращался прошлый Роман до моего попадания в его тело. Николай Ильич обучал будущих аграриев севообороту и сельхоз культурам. А с прошлым Романом у него была договоренность, что тот ему напишет о результатах внедрения в дела поместья того, чему научился. Северину это нужно в рамках какой-то научной работы. Альтернатив у Николая Ильича на эту «должность» почти не было — большинство выпускников гимназии пошли по чиновничьей части. Это кстати одна из причин, почему гимназию закрыли, и Роман был из последнего выпуска. Собственного финансирования не хватало, а государству для пополнения бюрократического аппарата было достаточно выпускников и из иных учебных заведений, зато наблюдался острый дефицит в толковых земледельцах. Вот если бы все ученики гимназии пошли в агрономы или просто применяли полученные знания на практике — тогда бы империя поддержала заведение финансово.

Но это так, небольшое отступление в моих мыслях, когда я пытался разобраться, с чего вообще бывший учитель мне написал. Николай Ильич же в своем письме напоминает мне, что ждет моего отчета в рамках нашей договоренности. А также готов приехать и сам, если результаты у меня впечатляющие, или прибыть по весне в том случае, если мне удалось уговорить отца на переход к ведению хозяйства «по-новому».

Я вспомнил, как считал несколько месяцев назад, что смогу существенно поднять урожай за счет знаний из тетрадок своего предшественника. И как забросил практически эту тему, переключившись на другие проекты. Из нововведений — только всякий инструмент на конной тяге приобрели. Ну еще коноплю второй раз посадили. Надо кстати узнать у Еремея — высохла она, и начали из нее ткань делать или нет?

Но письмо требовало ответа, и затягивать с этим я не стал. Честно написал, что изменением севооборота не занимался, однако готов принять Николая Ильича в нашем поместье по весне перед посадкой. Отец тоже одобрил этот визит. Все же сеять под руководством специалиста — не то же самое, что самому пытаться по тетрадке это делать. Тут же по месту надо смотреть — какие культуры подойдут, и в каком месте их лучше высадить. Дополнительно в письме попросил Северина написать — если он согласен, то каких семян нам следует прикупить к посеву.

— Тихон! — позвал я парня, когда отдал отцу готовое письмо.

— Здесь я, господин, — вышел он из столовой. А до того видать во владениях Марфы был. Следует правилу — подальше от начальства, поближе к кухне!

— Сбегай до батюшки Феофана, отнеси ему те тетради и чернила с карандашами, что мы по его списку купили. Да сообщи, чтобы искал телегу — колеса привезти.

Парень понятиво кивнул и исчез за дверью, ведущую на задний двор. Про список священника я не забыл. Вчера после разговора с Михайловым и отправился все покупать. Да к Фролу заскочил — кому как не этому местному «автомеханику» знать, где колеса для телег можно приобрести. Он же и пообещался их отгрузить, были у него в наличии запасные. Мне их только везти было не на чем, но тут я решил, что раз священник почти все вопросы по

транспорту решил, то и с доставкой разберется. За колеса уже все оплачено, только забрать осталось. Как и за крепеж для осей да оглоблей.

И раз все заняты, пойду, порадую Михайло, что нашел ему временного учителя, и он отправляется «в командировку».

Порт Царицына

Петр Егорович нервничал. Вчера к вечеру прибыла инспекционная комиссия, расследовать причины фактически оставления им постовой службы. Очень оперативно, что лишь добавляло переживаний. В каком они будут составе, настроении, успел ли им кто уже что-то «шепнуть на ухо» или нет — важна каждая мелочь.

Состав у комиссии был внушительный — аж девять человек! Причем среди них присутствовал даже сам исполняющий обязанности управляющего морским министерством Николай Карлович Краббе! Выше него среди моряков только Великий князь Константин Николаевич. Скородубов поехал, когда увидел его, шагающего уверенной походкой по пирсу. Крепкого телосложения, с черной длинной бородой, выбритой по центру у подбородка — новая столичная мода — с целой россыпью наград на мундире. По слухам, после Крымской войны этот контр-адмирал благоволил лишь к судам с паровыми котлами и бронированием корпуса. Ни того, ни другого их «Тарантул» не имела. Шхуна была старой постройки, еще парусной. К тому же малого класса. Как бы это не сказалось в негативную сторону.

— Григорий Иммануилович, — начал раздавать приказы адмирал еще на подходе к кораблю, — проверьте состояние команды. Сергей Васильевич — осмотрите корабль. Дмитрий Николаевич — на вас проверка документации. Николай Александрович...

Когда Краббе разослал всю комиссию по кораблю, он обратил свой взор уже на самого Скородубова.

— Полагаю, именно вы — капитан этой шхуны?

— Точно так-с, господин контр-адмирал! — шелкнул каблуками Петр Егорович.

— Пройдемте в каюту. Расскажите мне, на каком основании вы самовольно оставили патрулирование Каспия, существенно ослабив наши силы в этом регионе.

Голос Николая Карловича был требовательным и не терпящим возражений. А уж тон — холодным и обвиняющим. Начало проверки уже не нравилось Скородубову. Похоже, успели контр-адмиралу шепнуть что-то нелестное про мужчину, или все же «виноват» тип вверенного ему судна? Как бы то ни было, а отчитываться надо. И Петр Егорович повел контр-адмирала в свою каюту, на ходу начав оправдываться.

Дом Михайловых

Борис Романович вернулся домой в прекрасном расположении духа. Дело, которое затеял Винокуров, было с одной стороны совершенно новым, что накладывало свои риски. Обычно никто за подобное не брался, ведь неизвестно — будет ли спрос, окупятся ли затраты и в какой срок. Но с другой — оно несло не только потенциальную финансовую, но и политическую прибыль. А это уже совсем иной разговор. Ради такого можно и несколько лет в убыток поработать. Уж кому, как не главе дворянского собрания, это понимать!

И его настроение не смог испортить даже факт нахождения Арины не с мужем, а у них дома.

— Папа, мы решили — развод! — с порога заявила она мужчине. — Это окончательно и бесповоротно!

— Хорошо, — спокойно кивнул Борис Романович, — только прошу, дочь, не спешите озвучивать это. Вы же не делились пока ни с кем такой новостью? — спросил он подозрительно.

— Нет, — смутилась Арина. — Мама просила тебя дождаться.

— И это правильно! — облегченно выдохнул мужчина. — Надо подготовить мнение в свете в правильном для нас ключе. В субботу я иду на именины дочери Николая Степановича. Ты пойдешь с нами, но представим тебя там в первую очередь, как мою дочь, а не Перову. Люди поймут намек и не удержатся от вопросов. А вот что им говорить, мы сейчас с вами и обсудим.

— Михайло, танцуй! — с порога заявил я, оказавшись на подворье плотника.

— Вы сурьезно, барин? — с удивлением и опаской спросил он меня.

— Научишься ты кареты чинить! — продолжил я, не обращая внимания на его вопрос.

— Правда чтоль? — уже более радостно отозвался мужик. — Меня в ученики возьмут?

— Нет, — покачал я головой, — мою карету будешь делать, но под руководством мастера. Да ему самому помогать. Полдня карету чинишь — полдня на него работаешь. Уж всяко нахватаешься премудростей, не дурной же?

— Как есть научусь! — тут же охотно закивал мужик и перекрестился, подтверждая свои слова.

— Вот и славно. Собирайся, скоро поедешь.

— Дык... — растерялся он, посмотрев на грабли, которые чинил. — А как же инструмент?

— Ты же не один плотник в деревне? — не понял я его рвения к работе.

— Один, — удивил меня мужик. — В иных деревнях тоже есть, но сильно хуже меня. Потому Сергей Ляксаныч меня в Винокурово и определил — что я лучший.

— Ничего, — отмахнулся я. — У тебя вся зима впереди будет, чтобы его починить. На недельку уезжаешь, если лодырничать там не будешь.

— А как же беседка да мостки?

— Какие? — не понял я.

— Так во дворе вашем! — удивился Михайло. — Меж вашим домом и тем новым, что артель Кузьмы возвела.

Только сейчас я вспомнил, что мы и правда распланировали территорию между помещьем и гостевым домом. И дорожки там должны были быть тоже деревянные, и беседка для отдыха стоять. Вот про что Михайло говорит.

— Тоже подождут. В дожди же ты там не работаешь? И вообще, как я вижу, инструмент чинишь. Что тебе те мостки?

— Там мужики их ставят, а я у них за главного. Слежу, чтобы ладно все сделали.

— Вот вернешься и проверишь их работу.

Тот понял, что ни отвертеться, ни отложить поездку не удастся. Да и странно — сначала обрадовался, а сейчас отговорки ищет. Михайло тяжело вздохнул, отложил грабли, у которых зубья обломались, а он вставлял новые, да и пошел в дом — собираться.

Когда я возвращался в помещье, обратил внимание на те самые мостки. Мужики выравнивали землю, подсыпали ее песком, который таскали с берега, после чего уже и клали поверх получившейся «подложки» доски. Но то же не просто кидали их длинной стороной вдоль дорожки, а сколачивали в щиты с узором «елочкой». Получалось надежно и красиво. Бока дорожки обкладывали крупными камнями, да подсыпали землей. Упомянутая Михайло беседка находилась на полпути между помещьем и гостевым домом, подальше от проезжей части. Пока успели лишь вкопать опорные бревна и сделать основу под пол.

— Роман! — позвала меня мама, когда я зашел в зал.

Затем поднялась из кресла и поманила пальцем за собой... в мою же комнату. Что за тайны тут начались?

— Покажи, что за игру ты решил Сергею подарить, — шепотом попросила она, прикрыв за нами дверь.

— Людмила проговорила? — понимающе покивал я, залезая в чемодан.

Мама промолчала, так как вопрос был риторическим. От кого еще она могла узнать о подарке? Получив в руки коробочку, она открыла ее и стала разглядывать кубики. Ювелир постарался на славу. Серые, с волновым узором камни были гладкими на ощупь, а цифры на них выдавлены и заполнены расплавленным серебром.

— И как в нее играть?

Я тут же при ней перетасовал кубики, не вынимая из коробки.

— Передвигай обратно, — хмыкнул я, — чтобы по порядку снова встали.

У мамы ушло минут пять, пока удалось обратно кубики поставить. И то лишь потому, что я их сильно не путал.

— Да, Сергей Александрович точно оценит подарок, — удовлетворенно и с улыбкой на лице покивала она.

— А ты что ему подаришь? — стало мне интересно.

— Перо позолоченное взяла с именной гравировкой.

— И когда успела? — удивился я.

— А я о дне рождении Сергея не забывала, в отличие от некоторых, — поджала она губы.

Я лишь виновато потупился. Ну да, это она с отцом несколько лет живет, могла и раньше заказ сделать, а я его меньше года знаю так-то. После этого, чтобы замаять неприятное впечатление, я перевел разговор на ожидающихся гостей. Сколько их вообще будет? Оказалось — прилично. Зубовы, Уваровы всем семейством, княгиня Белова, которую не пригласить мы теперь не можем. Не после ее подарка Люде, сделавших нас дальней родней. Еще Алдонин будет и Скородубовым приглашение отправлено.

— Где ж они спать-то все будут? — потрясенно прошептал я.

— Софья с мужем приедут с утра и уедут в тот же день. Георгий с ними будет. И это хорошо! А то этот любитель вина спойт мне Сергея. Про соседей и упоминать не стоит, им недалеко домой возвращаться. А уж Скородубовых как-нибудь поместим. Потеснимся, не в первой. Ты лучше наведайся на кухню, да поговори с Прасковьей — какой торт она собирается печь. Ты в этом лучше девки понимаешь, проследишь, чтобы и интересный получился, и без урона репутации.

— Не доверяешь ей? — удивился я. — Она же на турнире себя хорошо показала.

— Тебе разве сложно для отца постараться? — обиженно поджала мама губы.

С таким аргументом спорить сложно, поэтому заверил ее, что возьму этот вопрос под свой личный контроль. Откладывать я не стал, иначе и забыть могу. Посмотрим, есть ли у девушки уже какие-то идеи.

Мастерская игрушек

Пелагея во все глаза наблюдала за действиями мастера Бахтияра и старалась не упустить ни одного его слова, которые переводил Рустам. На кровати лежала бабка Авдотья — та самая «недотрога», которая кричала от любого прикосновения. По приказу господина ее снова привезли, и сейчас шел второй сеанс массажа с ней.

Пелагея очень удивилась, когда перс приказал бабке раздеться полностью и лечь не животом вниз, а на спину. И затем все шло не так, как объяснял господин девушке раньше. Мастер начал массаж с рук. Прошелся по кистям, объясняя, что на них есть определенные точки, при нажатии на которые можно как расслабить пациента, так и напрячь его тело. Потом перешел выше — к шее. Тут тоже были особые точки. Спустился к ногам. И лишь в достаточной мере «подготовив и расслабив» тело Авдотьи он перешел к массажу. Но не спины, а снова вернулся к рукам. Стал вытягивать их, потому что по словам мастера Бахтияра — у бабки был зажат какой-то нерв. И он таким образом его «освобождал». Еще и за голову потом тянул, словно оторвать ее хочет. Авдотья кряхтела, стонала, но на удивление не кричала диким воем, как

раньше. А затем уж ее и на живот перевернули. И — о чудо! — на этот раз к ее спине можно было прикоснуться, не вызвав дикого крика.

После первого сеанса бабка сама встала с кровати и удивленно охала — прежней боли не было! Она даже могла сама сгибаться и медленно двигаться, что раньше давалось ей с огромным трудом. Сейчас же, во второй сеанс, мастер стал привлекать девушек к массажу. Сначала показывал точку, затем давал ее нащупать и объяснял, как правильно на нее давить. Занятие из-за этого растягивалось, зато запоминалось больше. Пелагея раньше и не подозревала, что массаж — это целая наука, да еще и медицинская. И думала, что довольно быстро освоит то, что иноземец ей покажет. Но сейчас понимала — освоить эту науку и за несколько лет может не получиться. Зато была среди обучающихся девиц одна, жадно внимающая каждому слову наставника и постоянно рвущаяся первой опробовать его науку. Алена.

Про нее много чего нелестного рассказали девушки из ее деревни. И ленивая, и в кровать к господину пыталась пробраться, и дерзкая. Пока Пелагея была согласна лишь с последним утверждением. Ленивая? Да она старается больше всех остальных учениц! В кровать пыталась пробиться? Так лишь по слухам. Хотя и поведение Романа Сергеевича говорит о том, что такие попытки были. Дерзкая? Вот тут девушка была полностью согласна с мнением большинства. Алена не стеснялась переспросить, если чего-то не поняла, отодвинуть других учениц в сторону — мастеру даже пришлось ее одергивать из-за этого. Он ведь свою науку всем, а не только Алене передает. И на мастериц Алена покрикивала, если считала, что те плохо работают. Но в последнее время это делала лишь по привычке. И тут она с Матреной даже поцапалась — та спешила оправдать доверие господина, и притязания Алены на свои полномочия воспринимала ревностно. Да и натерпелась под ее руководством, и даже замечания Алены, что лишь по ее слову Матрену старшей поставили, на последнюю не действовали.

Однако Роман Сергеевич приказал присмотреться к ней и оценивать без оглядки на чужое мнение. И Пелагея старалась. Но видит бог — раздражала ее эта девица страшно. Иметь такую в подчиненных не хотелось совершенно.

Тут мастер начал объяснять, как правильно давить на очередную точку, но уже на спине, и Пелагея отвлеклась от разглядывания наглой девушки. Она должна выучить преподаваемую науку ничуть не хуже остальных! Даже лучше! Ведь Роман Сергеевич ее главной над всеми ставит.

Глава 2

14 — 15 октября 1859 года

— Что творите? — с такими словами я зашел на кухню.

Марфа возилась с ужином, а Прасковья в уголке сидела и суп хлебала. При моем появлении она ойкнула и поперхнулась.

— Кха-кха-кха, — закашлялась девушка.

— Господин, — укоризненно посмотрела на меня Марфа, — зачем вы девочку пугаете? Стало немного стыдно. Но в то же время — я разве виноват, что она так реагирует?

— Пусть закаляет свою нервную систему. Будет спокойной, как Евдокия, — заявил я.

— Не дай бог ей пережить то же самое, — вдруг перекрестилась Марфа.

Что ж это с нашей служанкой случилось, что кухарка испугалась подобной судьбы для Прасковьи? Я как-то прошлым Евдокии не интересовался, и даже не знаю — стоит ли? Но уж точно не сейчас.

— Прасковья, ты уже думала, какой торт на день рождения моего отца испечь? — решил я замять тему моего появления и переключить девушку в конструктивное русло.

— Да, барин, — закивала она. — Я хотела замок сделать. Он же на конкурсе всем очень понравился. У нас выиграть мог.

Идея неплохая. Но я и не сомневался, что девчонка и сама придумает что-нибудь, без моего вмешательства. Лишь слегка скорректировал ее идею.

— Только не замок-крепость делай, а иной. У Людмилы попроси ее атлас. Какой-нибудь прямоугольной формы, чтобы тебе на внешнем оформлении сосредоточиться, а не корпеть над пушками и прочим. И еще — сделай кроме бисквитных коржей еще и слои из желе. Только тонкие и с разными вкусами. Уверен, такого не ждут и многим понравится начинка.

— Но я не знаю, как-то желе готовить, — смутилась Прасковья.

Пришлось ей объяснять. Хорошо, что я поинтересовался, как его готовят в нынешнее время. Впечатлила меня задумка повара Кулакова. После этого я с чистой совестью отправился отдыхать. Возвращение домой выдалось каким-то суматошным.

Из окна я видел, как на задний двор зашел Михайло с мешком в руках. Они поговорили с Митрофаном, и конюх принялся запрягать Пятнышко в мою карету. Чуть подумав, я написал записку для тети — чтобы дала место под ночлег плотнику, да отнес ее мужику. Заодно и десять рублей дал — на еду. Все, теперь осталось лишь ждать.

На следующее утро я впервые проснулся с мыслью, что мне никуда не надо спешить и что-то делать. Аж непривычно как-то. До дня рождения отца еще два дня, и чем мне заняться в это время — не знаю. Вроде сам же столько мечтал поскорее домой попасть, отдохнуть... Но оказалось, что мне и вчерашнего вечернего безделья хватило, чтобы восстановиться морально. Тело, а главное — голова — требовали нагрузки. Но тут долго думать не пришлось. У меня же до сих пор толкового бизнес-плана не написано ни для мастерской, ни тем более для салона. Вот этим и займусь.

Начать я решил с мастерской, как с более простого. Там уже все сделано, можно опираться на полученные цифры. Итак — расходы. Сначала — капитальные. Они же — разовые. Это постройка самой мастерской артелью Кувалдина. Траты на работу артели, плюс — сами материалы. Вложения долгосрочные, потому влияют лишь на параметр окупаемости. За сколько мы их вернем.

Дальше идут постоянные траты. Материал для игрушек у нас почти весь свой. Более того — это отходы, которые в противном случае и вовсе никому бы были не нужны. Для топки мастерской используются брикеты из опилок. На это тратиться тоже не надо. Остается лишь

краска — тут из подручных средств ее не сделаешь. Красители, как мы для тортов используем, для дерева не подойдут. Блеклые слишком. Еще ткани для кукол нужны. Но там немного. И оклад самих мастериц. Какой им положить-то?

Тут я задумчиво поднял глаза к потолку. Средняя зарплата рабочего в нынешнее время — рубль за день. Где-то выше, где-то ниже, но около этой цифры колеблется. Вот на ней пока и остановлюсь.

Я снова уставился в тетрадь. Итак, получается, что у меня работает восемь мастериц. Три из них будут получать десятую долю от продажи уникальных кукол. Так что про их оклад можно забыть. Остаются еще пять. Это — пять рублей в день трат. Еще накинем рубль за краску и полрубля на ткани — далеко не во всех игрушках они используются. Наоборот — у тех мастериц, что делают «штамповку» ткань практически не применяется в игрушках. А создают они от пятнадцати до пятидесяти игрушек в день. Если это маленькая фигурка животного в треть ладони величиной — то около пятидесяти получается. Если сборная кукла — каких Аленка выпуск наладила — то тех около пятнадцати.

— Так-с, подсчитаем стоимость самых дешевых игрушек, — пробормотал я.

Шесть с половиной рублей — столько постоянные траты в день — делим на пятьдесят и получаем тринадцать копеек за штуку. А если вычесть расход за ткани, которые не применяются в таких игрушках, то и того меньше. И красят у таких игрушек не всю поверхность, а лишь отдельные штрихи — глазки подрисовывают, да редкими мазками окрас шерсти наносят. Тогда и вовсе можно снизить себестоимость до цены работы мастериц, то есть — до десяти копеек. Накинем столько же, чтобы получать прибыль... Итого одна игрушка должна продаваться примерно по двадцать копеек. А по словам отца Сычев их по тридцать отдавал — и все раскупили. Причем, что интересно, себе половину с этой суммы забрал! Ему пятнадцать копеек, и нам столько же. А с пятидесяти игрушек — уже по семь с половиной рублей выходит каждой стороне. И это справедливо?! Вот на что Владимир Николаевич тратится? На оклад приказчику? Так он ему и без того платит, чтобы свои товары продать. И вряд ли добавил что-то, чтобы наши игрушки тот тоже предлагал покупателям. Производство, доставка — все на нас! А итог — у Сычева прибыль в пятнадцать копеек, у нас — пять. Даже две, если не делать скидку на расход красок и тканей. Рубль в день с продажи всех игрушек, как у обычного рабочего. Грабеж! И ведь не соврал он отцу — мы и правда прибыль имеем. А то, что совершенно смехотворную, так это «мелочи» видимо по мнению купца.

Нет уж, правильно я сейчас за подсчеты взялся. Еще можно устный договор отца с ним изменить. Потом-то уже сложнее станет. Все «привыкнут», а сейчас ничего еще не устоялось. И надо обязательно отцу свои расчеты показать. Пусть знает, с кем породниться хочет. Но прежде чем к нему идти, я посчитал еще и во сколько нам обходится создание «дорогих» кукол. Время работы мастериц тут не учитывал — лишь стоимость материалов. Красок у них уходит много, а еще больше — ткани и волос. Волосы берут у собак, лошадей и даже собственные вплетают, благо там небольшая длина нужна, некоторые девицы себе по десять сантиметров отрезают — на несколько кукол хватает. Но волосы — материал не покупной. В отличие от красок и тканей. На них заложил по десять копеек — и того и другого. Выходит себестоимость куклы в двадцать копеек. А продавал Владимир Николаевич их по рублю. Соответственно, нам пятьдесят копеек отходило. Минус двадцать — за материалы, десятая часть от восьмидесяти копеек — это восемь. То есть из пятидесяти копеек двадцать восемь нам в минус идет. В два раза меньше нашего «партнера» получили! Но уже больше, чем со «штамповки». Правда и делают мастерицы те куклы за сутки — штуку. Кстати, получается, для них не выгодно десятую часть получать. Или стоимость куклы надо поднимать. Но чтобы у мастериц рубль в день выходил, одна кукла должна продаваться за червонец и даже больше. Таких денег за их куклы никто не даст. Не то пока качество. Вот за два рубля их продать еще можно. Тогда мастерицам оклад

— рубль положить, а оставшийся рубль делить между нами и Сычевым. Это если мы вообще продолжим с ним работать — после такого-то его дележа.

— Папа, есть серьезный разговор, — зашел я в кабинет отца.

Тот в это время просматривал какие-то бумаги, и оторвался не сразу. Лишь дочитав документ, отложил его и внимательно посмотрел на меня.

— Что случилось?

— Сычев на нас нагло наживается, — заявил я.

— Объяснись, с чего ты это взял? — нахмурился отец.

Я тут же протянул ему тетрадь, в которой по ходу своих размышлений и написания черновика бизнес-плана делал пометки.

— Смотри. Вон, я в таблицу все свел.

По мере прочтения отец задал несколько уточняющих вопросов — откуда я цифры взял, да что они означают, после чего его лицо стало мрачным.

— Купец — он и есть купец, — подытожил он.

— Это ладно, но мы же породниться с ним хотим. Людмила за его сына сосватана. Разве это дело — на родственниках наживаться?

— Ты прав, — кивнул отец тяжелой головой. — Совсем не дело. И что нам? К другому купцу идти? Так он не лучше будет.

— Во-первых, — начал я, — я не говорю, что надо сразу к другому идти. Для начала — я бы поговорил с Владимиром Николаевичем, как он расчеты вел. Самое главное — почему он делит выручку поровну? Ведь понимает, что у нас самые большие траты. Пускай о своих расскажет, если они есть. И уже по его реакции и будем судить — продолжать с ним работать или отказываться от сотрудничества.

— А во-вторых? — спросил отец.

— Что «во-вторых»? — не понял я.

— Ты сказал «во-первых», а что «во-вторых»?

Я не сразу нашелся, что ответить. Сам не понял, почему это брякнул. Но потом все же выкрутился:

— А во-вторых, надо ему намекнуть, что с будущими родственниками так дела не ведут. Может, он для своего Михаила уже другую партию нашел? Так его и спросить. Мало ли, может и впрямь это так. И он лишь повод ищет, чтобы разорвать ваш договор без ущерба для своей репутации.

Отца мои слова не порадовали, но возражать он не стал.

— И в-третьих, — нашел я еще один шаг в наших будущих действиях, — больше ему игрушек не везем, пока договор не пересмотрим. Если своего приказчика пришлет с вопросом — почему прекратили поставки, так заворачивать его со словами, что с самим Сычевым намерены об этом говорить, а не с его слугами. С чего это мы, потомственные дворяне, должны к купцу бегать, словно он нам начальник какой?

— Людмила может расстроиться, — вздохнул отец.

— Она разве в этого Михаила влюблена? — удивился я.

— Нет, но она была так рада, что уже в таком возрасте ей партию нашли...

— Понадобится — найдем еще лучше! — уверенно парировал я. — Так ей и скажем.

На том пока и остановились. Новых отгрузок не производим, и либо ждем приказчика от Сычева, а лучше его самого, либо я сам с ним встречу, когда повезу Люду к тете. Кстати, на свой день рождения отец ему приглашение отправлял, но тот вежливо отказал. Мол, кости у него ломит осенью, не выдержит он целый день в дороге, а у нас переночевать негде. Тоже «звоночек».

Вернувшись в комнату, я продолжил работу. С мастерицами наподобие Аглаи надо обязательно поговорить. Иначе они разочаруются, когда получат первые деньги за свой труд. Вон,

отец переживал, что я зря им пообещал десятую часть от выручки, а оказалось, что для нас это экономия невероятная. Вот только и желание у них отпадет трудиться, если мы все оставим как есть. Но в целом бизнес-план по мастерской можно считать почти завершенным. Подвел итог лишь месячной выручки с учетом постоянных продаж, да сделал пометку — узнать, сколько будет стоить держать собственную лавку в городе. Это на тот случай, если с Сычевым мы разорвем отношения.

Дальше я перешел к салону. Тут все было сложнее. Мне нужен проект, чтобы можно было оценить величину первоначальных капитальных вложений. Поэтому этот пункт пока отошел в сторону. И я сосредоточился на разработке списка работников. Мне ведь для салона не только массажисты требуются. Тут и банщики нужны, и истопник, повар опять же — чай заваривать, да легкие закуски делать хотя бы. После бани часто кушать хочется. Хотя бы тот самый чай с булочкой закинуть в себя. Дополнительно нужны прачки, уборщицы и дворник. Да и приказчик на постоянную основу не помешал бы. Пелагея-то лишь за массажистов отвечать будет. И ставить ее сразу во главе всего салона — глупость. Нет у нее такого опыта. Опять же — в нынешние времена мужчина на месте управляющего смотрится привычно и с ним спорить клиентам будет сложнее в случае каких-то неурядиц и конфликтов. И Пелагее будет на кого опереться, когда меня или тети нет рядом. Тоже надо думать, кого на такую ответственную должность ставить.

Потом примерно расписал по окладам — кому и сколько стоит платить. Еще с тетей поговорю — насколько разумно я эти цифры выписал. С ее опытом руководства она мне подскажет, где я переборщил, а где наоборот — стоит прибавить.

И уже в самом конце стал расписывать список предполагаемых услуг с примерным ценой. Пока все «на живую нитку» подогнано, но хоть что-то можно будет показать и тете, и Михайлову. Заодно сам прикину — сколько салон сможет нам в месяц приносить. Прозанимался бумагомарательством я до самого вечера, но теперь у меня была отдельная тетрадь с «бизнес-планом» развития массажного салона. А заодно и уверенность — что дело выгорит.

Дубовка

Михайло добрался до усадьбы Зубовых уже в потемках. Хорошо, что слуги знали уже карету его барина — поверили, что он от него, так как будить своих господ не хотели совершенно. Только утром его представили Владимиру Михайловичу и Софье Александровне. Тут и бумага от господина пригодилась. Господа дали свое добро на его постой, и мужик тут же поспешил скрыться с их глаз. От греха подальше. Мало ли что может прийти в голову высокогородным?

Мастерскую Фрола Михайло нашел не сразу. Господин не объяснял, где она находится, а слуги Зубовых и сами не знали. Но как говорится — язык до Киева доведет — вот и Михайло не постеснялся у возниц поспрашивать направление.

Ворота на обширное подворье были распахнуты. Заехав внутрь, плотник огляделся. Два навеса, один дом-мастерская, где с бричкой возился русский мужик. Волосы растрепаны, сам хмурый. Он занимался тем, что прилаживал откидной верх к бричке. На Михайло отвлекся лишь когда он чуть ли не внутрь к нему в мастерскую зашел.

— Сломалось чего? — мрачно спросил мужик, дыхнув перегаром. И не дожидаясь ответа, продолжил, — под один из навесов ставь да распрягай. Как освобожусь — подойду.

Мысленно пожав плечами, плотник спорить не стал. Место под навесами было и даже с запасом. Выполнив порученное, Михайло привязал Пятнышко к столбу навеса и принялся ждать, пока мастер освободится. Тот подошел лишь спустя четверть часа.

— Ну говори, чего сломалось?

— Ничего. Ремонт нужен, — ответил плотник, удивляясь, как это мастер забыл разговор с Романом Сергеевичем? Или тут таких карет, как у его барина, пруд пруди? Но все же отвечать

стал обстоятельно. — Мой господин вот что хочет: все щели законопатить, пару форточек сделать, печки поставить, да заменить ткань на диване на новую. А! Еще и для кучера откидной верх как у той брички, — махнул рукой в сторону мастерской Михайло, — сделать. И энти... как их... ренсоры поменять!

— Рессоры, — буркнул мастер и стал обходить карету по кругу. Почесал в затылке, заглянул под дно, открыл дверцу и внутри все осмотрел, будто впервые все видит, после чего глубокомысленно изрек. — Месяц работы. И не меньше ста рублей за все. Точнее позже скажу.

— Мне мой барин сказал, что я сам все выполнять буду, — нахмурился Михайло. — Ты лишь говорить — как и что мне делать.

— Мало ли, что твой барин хочет, — отмахнулся мужик. — Я тут...

— Игорёня! — прервал мужика возглас какого-то старика, зашедшего с улицы.

— Чегось? — мрачно повернулся мастер к вошедшему.

— Ты об чем беседу ведешь?

— Да вот — на ремонт карету привезли, а энтот, — кивнул на Михайло мужик, — бает, что ему его барин сказывал, будто он сам все чинить будет.

— Так и есть, — удивил и мастера и Михайло старик.

Мастера-то понятно, а вот плотник изумился, с чего это сторонний мужик об уговоре Романа Сергеевича ведает, а сам каретный мастер о том — ни слухом, ни духом?

— Мы с его благородием об том говорили.

— Фрол, — набычился мужик, которого назвали «Игорёней», — а с чего это ты чужих к мастерству привечаешь?

— Ты мне тут не указывай, как дела вести, — нахмурился старик.

Михайло же лишь сейчас понял, что вот этот дед — и есть тот каретный мастер, к которому он ехал. А мужик этот — его помощник. Как хорошо, что он его случайно «Фролом» не назвал! А то бы опростоволосился.

— Бричку доделал? — продолжал наседавать на мужика старик.

— Готово все, — отмахнулся Игорёня.

— Так отправь мальчишку господину Митину, или сам сбегай — скажи, что может забирать. А тебя, мил человек, как звать? — уже к плотнику обратился старик.

— Михайло.

— Ну сказывай, Михайло, твой барин не передумал? Все то же, что и мне, тебе обсказал?

Плотник вздохнул и принялся по новой объяснять, что хочет получить Роман Сергеевич. Зато сейчас все пошло гораздо легче. Фрол лишь кивал согласно, да в конце подтвердил все договоренности, о которых плотнику господин рассказал. Ну и хорошо! Получит он все же азы каретного мастерства!

Дом Михайловых

Арина сидела в своей бывшей девичьей комнате и причесывалась. Однако мысли девушки были далеки от своего внешнего вида. Ей было горько и обидно. За что Николай поступил с ней так? Опозорил... и перед кем?! Слугами!

«Вот Роман так бы никогда не поступил!» вдруг пришла ей в голову мысль.

Вообще думала о молодом художнике в последние дни девушка часто. И вина в этом ее собственного мужа, который постоянно напоминал ей о ее легком романтическом увлечении. Но ведь она не собиралась заводить серьезных отношений на стороне! Небольшой роман, как в книгах, и все! Чтобы разнообразить свои скучные будни.

Арина опять подумала о Винокурове. Какие сильные у него руки! Даже и не скажешь, что художник. Тех обычно описывают, как юношей с тонкой душевной организацией и слабым телом. А тут... Жесткий, волевой, сильный... Девушка почувствовала, как помимо ее воли внизу живота разгорается пожар.

«А еще — верный! И ничего плохого о своей невесте не говорит, и слухи о ней срамные не распускает! — с легкой ревностью подумала девушка. — Вот бы он был моим... И почему другим достаются лучшие, а мне... Николай!»

Рука Арины сама собой легла на собственную грудь. Девушка представила, будто это рука Романа. Чуть сжала ее, и потом рука заскользила вниз... под платье...

— Ах!.. — вырвался у девушки сладострастный стон.

В фантазиях Арины Роман брал ее... напористо, уверенно... смотря глаза в глаза, как хищник на добычу...

Пришла в себя она только в миг, когда на полу растеклась лужа от ее игрищ с собственным телом. Грудь часто вздымалась, словно она запыхалась от бега. Сердечко стучало, а в голове постепенно пропадал туман любовной страсти, что на нее нашел от мечтаний.

— Это несправедливо, — чуть не плача, выдохнула Арина. — Почему этой Скородубовой достался такой мужчина?! Ну ничего. Скоро разведусь с Николаем и...

Признаться, что хочет увести парня у другой, вслух девушка побоялась. Отец уже заявил, что следил за ней. Вряд ли он обрадуется таким ее мыслям. Но идея засела и никуда уходить не собиралась. Осталась формальность — уйти от мужа без репутационных последствий.

Порт Царицына

— Корабль у вас полностью исправен, — зачитывал Николай Карлович отчет корабельного мастера, входящего в комиссию, как приговор Петру Егоровичу. — Личный состав в полном порядке, — это уже результат осмотра военного медика. — Система вооружения в исправности. Боеприпасы на момент прибытия в порт не израсходованы и на десять процентов... — еще один камень в город Скородубова уже из доклада артиллерийского инженера, — парусная оснастка в целостности... — тут контр-адмирал поднял взгляд на мужчину и в его глазах плавал лед. — Так в чем причина вашего возвращения в порт приписки? Уж не измена ли?!

— Господин контр-адмирал, — покрылся потом Скородубов. — Я писал в своем отчете — нам отгрузили некачественные продукты. Сверху навалили свежей капусты, а под низом — прошлогодняя. Личный состав маялся животом. Я не мог продолжать патрулирование, когда больше половины экипажа не в состоянии даже подняться с койки. Нас голыми руками можно было брать!

— Вы могли зайти в ближайший порт и там переждать эту беду, раз уж приняли некачественные продукты на борт, — строго заметил Краббе. — А после продолжить выполнение своих обязанностей. Сколько дней вы бы потеряли? Три? Пять? А сколько сейчас Каспий находится в руках врага, без нашего контроля из-за вашей халатности и малодушия?!

Петр Егорович понял, что спорить бесполезно. Николай Карлович прав. Скородубов, как капитан корабля, мог отдать приказ переждать вспышку диареи в ближайшем порту, после чего продолжить патруль. Но он испугался, что даже за такой малый срок его накажут. Решил, что стоит повысить ставки — уйти с патруля и выставить виноватыми коменданта порта, где ему отгрузили эту чертову капусту, и местного интенданта! Но высокому начальству виднее. Вот и его ткнули носом, насколько он подвел флот в целом и Его Величество в частности.

— Я готов принять ответственность по всей строгости закона, — только и оставалось сказать Петру Егоровичу.

— Примите. Обязательно примите, — жестко заявил контр-адмирал. — А пока — сдайте полномочия своему старпому. Расследование еще продолжится, но до того момента вы под арестом... — Скородубов побледнел. — Пока что — домашним, — чуть смягчился Краббе.

Расследование происшествия развивалось стремительно и пока не в пользу Петра Егоровича. Как бы ему не оставить в итоге своих дочерей сиротами.

Глава 3

15 — 16 октября 1859 года

Квартира Скородубовых

— Папа, да как же мы поедем праздновать, когда тебя по арест посадили? — плакала Анна.

— Домашний, — стал успокаивать дочь Петр Егорович, — и лишь временно. Уверен, когда во всем разберутся, меня вернут на службу.

Хотя у самого мужчины такой уверенности не было. Анастасия хоть и переживала за отца, но увидеть Романа ей тоже хотелось. Поэтому она разрывалась между этими желаниями — остаться и поддержать папу, как Анна, и поскорее увидиться с любимым.

— Вам обязательно нужно ехать, — продолжил офицер убеждать дочь. — Это покажет мою уверенность в собственной невинности. Раз мы не меняем планы, то моя совесть чиста. И Винокуровых не обидим своим отсутствием. Вон, для Анастасии это особенно важно. Или ты хочешь, чтобы у нее тоже проблемы возникли? А если Роман решит, что для нее я важнее? Зачем ему жена, которая свою прошлую семью выше новой ставит?

Постепенно мужчине удалось уговорить Анну отправиться в гости. Хотя для девушки было странно — веселиться на празднике, когда в семье горе. Чтобы успокоиться, она отправилась в почтовое отделение — покупать билеты на дилижанс. Анастасия не стала оставлять сестру в таком состоянии и пошла с ней. И лишь проводив дочерей за порог, офицер позволил стечь маске уверенности с собственного лица. Слишком рьяно за него взялись. Все чересчур стремительно происходит. Понятно, что после Крымской войны и проигрыша реформы в армии и на флоте были неизбежны. Но их провинцию пока еще не коснулись. И уж тем более их Каспийскую флотилию. А тут... что же тогда в столице творится? Наверное, только пух да перья летят! Или наоборот — контр-адмиралу понадобилось отчитаться перед Государем об эффективности собственной работы, и здесь такой повод шикарный образовался? Наказать, чтобы другие быстрее шевелились. Написать красивый отчет — что из-за таких как он, Скородубов, и случился проигрыш. Но сейчас, благодаря оперативному вмешательству господина контр-адмирала измена предотвращена? А ведь Николай Карлович — пока лишь исполняющий обязанности управляющего морским министерством. Наверняка он хочет убрать два лишних слова в наименовании своей должности.

Мрачные мысли офицера прервал стук в дверь. Петр Егорович решил, что это дочери что-то забыли и вернулись, но за порогом стоял Емельян Савватеевич.

Когда они разместились на кухне, Волошин тяжело протянул:

— Да-а, взялись за тебя серьезно.

— И ведь даже непонятно, почему? — горестно вздохнул Петр Егорович.

— Мы пытались аккуратно порасспрашивать других офицеров, что в комиссию входят, но те лишь руками разводят. Им приказали искать недостатки — они ищут.

— И много нашли? — мрачно спросил Скородубов, прекрасно зная, что если специально поискать — придраться можно.

— На удивление нет. У тебя чуть ли не образцовый порядок. Документы ты тоже в строгости держал и привел их к эталону быстро, если что-то было. Сейчас за матросов взялись. Опрашивают.

— Крамолу хотят найти?

— Такое чувство, что тебя в измене хотят обвинить. Серьезной. Что ты не просто так корабль отвел, а чтобы дать свободно плавать там персидским контрабандистам. С острова ветер дует, как мы считаем.

Петр Егорович нахмурился. «С острова»... Это означало, что кто-то в верхах из англофилов постарался. Или даже сами британцы прознали о шикарной возможности снять неподконтрольного им капитана, да потом протолкнуть своего. Такое тоже может быть. Не зря же про персидских контрабандистов вспомнили. Такие по Каспию ходят, но лично Скородубов с ними дел не имел.

— Основные вопросы, что матросикам задают — всходил ли на корабль кто из посторонних, были ли неучтенные грузы, пропускал ли ты какой корабль без досмотра. Те все отрицают. Команда за тебя горой, но в комиссии упорствуют. Сам понимаешь, результат они получают, если он им нужен любой ценой. Найдут за каким матросом грешок, да и поставят его перед выбором — или тебя оклеветать, или самому на каторгу отправиться.

— Столько лет беспорочной службы, и на тебе... — горько прошептал Петр Егорович.

— Ты раньше времени не кисни. Про Николая Карловича разное говорят, но точно одно — он патриот и у британцев не стесняется учиться делу морскому, но любви к ним не имеет. Только если ему прямой приказ от Великого князя пришел, твое дело безнадежно. И даже тогда можно прошение на имя государя подать. Потому потерпи пока. Прямых улик в твоей измене нет, да и быть не может. Компрометировать тебя господин контр-адмирал сам не станет. Пока он лишь отмашку своим дал — искать дотошно. Вот если начнутся подставы, тогда уж будет понятно, что это приказ оттуда, — поднял глаза кверху Волошин. — Но и мы без дела не сидим. Пригласили в субботу Николая Карловича на наше собрание. Там песню ему представим, что твой зять написал. Уверен, она произведет на него самое положительное впечатление. А потом и шепнем ему, кто автор.

— А мне с того что? Это же не я писал, — удивился мужчина.

— И что? Твой родственник. Сын помещика, не служивший, которому ты за второго отца станешь. Были ли от него песни такие, пока он с твоей Анастасией судьбу не связал? Нет! А тут — и батальное полотно, и песня.

— Но не я же его просил.

— А через кого я с ним познакомился? И заметь — это было до того, как ты в этот злополучный рейд вышел. Будем напирать на то, что ты молодое поколение правильно воспитываешь. А раз так — то изменником быть не можешь. Чтобы Николай Карлович по-новому на тебя посмотрел. Пока то ты для него — никто. Даже наоборот, худо про тебя думает. А тут — ничего супротив найти комиссия не может, кроме твоего досрочного возвращения в порт — и не без причины, замечу — и ты патриотов воспитываешь. Совсем иначе начнет к тебе относиться.

— Твои слова да богу в уши, — вздохнул Скородубов, но уже не так безнадежно, как минутой ранее.

— Отобьем мы тебя, не сомневайся! — сказал напоследок Емельян Савватеевич.

С тем и ушел. И через час еще и дочери вернулись с еще одной хорошей новостью. Анне Милашин телеграмму отправил, в которой указал, что дипломатическое министерство передало во флот свой положительный отзыв о работе Петра Егоровича и просьбу наградить его за самоотверженную борьбу с пиратством и вызволение российского дипломата из плена. Пусть тот и пробыл в плену всего несколько часов, но было же?

— Авось и правда, сдюжим, — ободренный этой вестью, прошептал мужчина.

Поместье Винокуровых

— Братец Роман, — заглянула ко мне после ужина Люда, — давай песню ко дню рождения папы отрепетуруем?

— Какую?

— Ту, что ты с мамой пел. «Собиратель легенд».

В принципе я не был против. Все равно это одно из главных развлечений вечера ожидается. Да и надо снова поработать с гитарой, а то навык растеряю. И не зря согласился! Пальцы действительно уже отвыкли от струн, а сбивался с ритма я чаще обычного. Но в итоге под конец все же вернул былую скорость. А затем мы с Людой в две гитары эту песню исполнили. Я ритм задавал, а она основной перебор делала. Так даже лучше получилось. Звук «объемнее».

— На сегодня — все, — выдохнул я, дую на свои пальцы.

Подушечки сильно натер.

— Может, завтра еще какую-нибудь песню отрепетируем? — попросила сестра.

— Завтра и посмотрим, — не стал я ей сразу отказывать.

Не очень хотелось романс какой-нибудь петь, а с произведениями из будущего надо быть поосторожнее.

С самого утра в доме начался кипиш. Евдокия не постеснялась приплести к уборке Тихона, и тот носился за нашей старшей служанкой, словно собачка. Воду ей таскал, тряпки отжимал, мебель переставлял, чтобы та под ней полы помыла. На кухне Прасковья заняла половину территории, о чем тихонько бурчала Марфа. Корней хотел увести близнецов на улицу, чтобы не мешали, но там дождь шел. Чуть подумав, он их на конюшню потащил — обучать ухаживать за лошадьми. Тоже важное умение в нынешние времена. Романа тоже обучали, да я в него вселился, а эти его знания мне не передались. Отстаю в вопросе.

Отец заперся в своем кабинете — ему почта пришла. Много поздравлений от дальних знакомых и даже от маминой родни. Ну и один журнал иностранный тоже прибыл. Вот в него он и вцепился, велел никому не тревожить без большой надобности. Мама за Евдокией следила, да сама что-то готовила к празднику. Может стихотворение, а может и конкурсы. Сестра ей помогала. Меня хотели привлечь, да я от этой «радости» откrestился, сославшись на то, что надо проверить — как там перс свои уроки ведет. Ну и поехал в мастерскую, подальше от этого дурдома.

Мастер Бахтияр сегодня был не у девушек, а с парнями. Хотя и девицы без дела не сидели, отрабатывая то, что он им объяснял накануне. Сейчас под их руками лежала вдова около сорока лет. Причем мяли ей девушки не спину, а почему-то руки и ноги.

При моем появлении девчонки смутились, хоть это и не они голышом на кровати лежали, а вдова плотнее вжалась в ложе, прикрыв попу ладонями.

— Простите, что отвлекаю. Пелагея, — махнул я рукой девушке, подзывая к себе.

Вместе мы уже вышли со второго этажа, чтобы не мешать учебному процессу. Вышли бы и на улицу, но под дождь не хотелось, потому отошли к стене, да заговорили шепотом.

— Ну как вам этот перс? Из-за его науки мнете не спину, а конечности?

— Да, Роман Сергеевич, — закивала Пелагея. — Он же Авдотью на ноги поднял буквально за один раз! Только нельзя каждый день на ней все отрабатывать — плохо ей будет. Потому сегодня у нас Елена лежит.

Дальше девушка подробно рассказала, как у них проходит учебный процесс. Восторгу и уважению Пелагеи, казалось, не было предела. Не подвел меня Фаррух! Настоящего мастера прислал, это радует.

Потом я ее и про Аленку спросил — как себя ведет, да насколько хорошо учится. Тут уж Пелагея помрачнела.

— Я помню, Роман Сергеевич, что вы просили меня ее оценить без оглядки на чужие слова, но... — тут она губы поджала.

— Что не так? — заинтересовался я.

— Наглая она! — со злостью выдохнула девушка. — И самоуверенная. Строить вокруг себя всех любит. Даже мастериц пыталась по привычке, хотя вы ее с должности уже сняли. Но

тут Матрена ей отпор дала, — покосилась Пелагея на упомянутую девушку, которая в паре метров от нас игрушку тряпочкой с песочком обрабатывала.

— Вот как, — с усмешкой протянул я, ничуть не удивляясь. Вкусила Аленка прелести власти, получается.

— Я бы ее в свое подчинение не хотела, — тихо сказала Пелагея. — Не знаю, будет ли она меня слушать. Но точно попытается подсидеть. И на меня хулу наводить или еще что.

— А учится она как?

Девушка мрачно поджала губы.

— Хорошо, — буркнула она спустя минуту молчания, пересилив желание оболгать девку.

— Посмотрим. Если она сама не начнет пытаться с тобой нормальные отношения выстроить, то не возьму ее в основной состав. Но если подойдет, чтобы подружиться или просто нормально общаться — не прогоняй ее. Да, она может потом старшей среди массажисток стать, но скажи мне — ты для себя такой «потолок возможностей» видишь?

Вот тут Пелагея всерьез задумалась.

— Пока не знаю, — вздохнула она спустя пару минут. — Для меня и нынешняя ответственность — очень много. Потяну ли вообще? А если еще больше взять — так и надломиться можно. Боюсь я, Роман Сергеевич.

— Потому эта Алена для тебя опорой на первых порах может стать, если ты с ней воевать не будешь, — пояснил я девушке, почему не собираюсь пока выгонять «наглуую девку». — Она недостающую тебе уверенность даст. С ней ты точно не расслабишься, и сможешь лучше свою работу выполнять. И на нее серьезные задачи скидывать, чтобы она их делала. А не справится — то с нее и спрос будет.

Вот тут Пелагея задумалась уже сильнее. И не стала пока возражать, взяв паузу. Ну и хорошо. Посмотрим, что из этого выйдет.

Оставив девушку, я все же добрался до мастера Бахтияра. Когда шел от мастерской до лесопилки, заметил новый сруб. Еще недостроенный — лишь стены возвели, но скорость поражает. Вот что значит — работники лично замотивированы!

Перс при моем появлении тут же прекратил объяснения и поклонился. Пришлось через Рустама дать ему указание продолжать. В качестве «наглядного пособия» на кровати лежал один из работников лесопилки. Мужик терпеливо сносил все манипуляции мастера и его учеников, лишь иногда покрывавая. Тут и Михей прибежал, которому доложили о моем визите.

— Роман Сергеевич, работа идет без сбоев, для мастера Бахтияра среди работников очередь постановили, на работе лесопилки его деятельность не сказывается, — скороговоркой доложил управляющий.

— Хорошо, — кивнул я. Сам вижу, что Михей ответственно подошел к организации работ. Вот мне интересно, он же буквально живет здесь, а семья у него есть? Дети? Как он без них столько обходится-то? Но сейчас я спросил о другом. — Баня, смотрю, почти готова?

— Самое сложное осталось, — вздохнул мужик, — печь положить. Но среди нас толковых печников нет. В деревне тоже. Сложить-то можем, но что получится? Хорошо, если вообще греть будет, да дым внутрь не запускать, но даже тогда — ее лишь на год хватит, не больше. Сергей Александрович сказал к вам обратиться, когда я ему о том доложил. Ваша задумка, мол.

— И артель Кувалдина уже давно в Дубовку вернулась, — понятиливо кивнул я.

Михей лишь развел руками, мол, так и есть.

— Неужто среди крестьян ни одного толкового печника не имеется? Себе же они как-то дома складывают?

— Но редко, — заметил Михей, — для того отдельный мастер не нужен. Нанять проще. А так-то — да, есть один. Только в дальней деревне, в Ивовке живет. Ему до нас — не ближний свет. Только на праздники в церковь приезжает.

— А его нанять?

— То деньги нужны, — с намеком ответил Михай. — Он оброк вам платит, а откуда ему иначе деньги брать на это?

Я уточнил, сколько потребуется средств, после чего сказал Михею подойти ко мне, когда я буду в поместье. Выделю и оплачу работу печника. На том моя инспекция и закончилась. Домой не особо хотелось возвращаться, но и здесь мне стоять нет смысла.

Однако мне повезло. Когда зашел в дом, первоначальная суматоха чуть спала. Намети-лась некоторая упорядоченность в действиях, даже близнецы смиренно сидели перед камином и учили стихотворение под чутким маминым руководством. Но вскоре меня заметили:

— Братец! Идем репетировать! — раздался голос Людмилы.

Эх, тяжело это — готовиться к празднику.

Поместье Уваровых

— Ты чего такая довольная, словно пакость какую сделала? — подозрительно посмотрела на сестру Валентина.

— Да что ты мелешь такое?! — возмутилась Кристина. — Ничего я не делала!

— Значит, планируешь, — убежденно заявила кузина. — Знаю я тебя. Смотри, если день рождения Сергею Александровичу испортишь, папа на тебя зол будет.

— Еще раз повторяю — я ничего не делала и не планирую! — со злостью уперев руки в бока, посмотрела на Валентину девушка.

Та лишь с сомнением покачала головой, но больше спорить не стала и продолжила выбирать себе платье на выход. Кристина занималась тем же самым. Просто в этот момент как раз замечталась, как будет злиться эта противная Скородубова, которая заполучила себе Романа в женихи. Ох и устроит она парню скандал! При этом Кристина не боялась, что Роман на нее злиться будет. Точнее опасалась, но у нее есть железная отговорка — она «ничего такого» не имела в виду. Просто вспомнила, что когда-то они дружили в детстве, а потом их отцы думали связать их узами брака. А тут еще и Роман стал ее учителем рисования. Вот и захотела она совместить все эти чувства в одном рисунке. Подумаешь? Это же о прошлом — и чуть-чуть о настоящем, а не о будущем. А если эта Анастасия начнет истерики устраивать, то уж Кристина намекнет парню, если сам не догадается, что настоящая будущая спутница жизни так поступать не будет. Жена должна быть уверена в себе и своем муже и на завистников смотреть свысока. Не может так Скородубова? Выходит — такая себе она пара. Стоит задуматься.

В том, что Анастасия будет ревновать, Кристина не сомневалась. Успела немного о ней разузнать от Людмилы, да и сама видела девушку. Скромная и тихая — такие себе цену не знают, боятся, что их бросят.

«И платье стоит надеть не слишком откровенное, но с намеком...» подумала Уварова, крутясь перед зеркалом.

Что за «намеки» должен быть, она и сама не до конца осознавала. Но что намеки необходимы — была уверена.

Дубовка, дом купца Сычева

Владимир Николаевич просматривал отчеты по своим лавкам, которых у него только в Дубовке было две, а еще одна в Царицыне и даже были лоточники, которые у него товар для продажи берут. После Покрова у людей появились деньги, и отчет мужчине радовал. Вот только чего-то словно не хватало...

Раз за разом перечитывая сухие строчки и пытаюсь понять, где недостача, купец наконец понял в чем дело — его приказчик ничего не написал про игрушки Винокуровых!

— Утаить решил, шельмец? — удивленно пробормотал Владимир Николаевич.

Но за Иваном такой глупости он никогда не замечал. Так что случилось-то? Откладывать подобные вопросы в долгий ящик у Сычева привычки не было. Тут же отправил вестового

к приказчику с наказом — явиться немедленно. И через час выслушивал от него, что новых игрушек Винокуровы просто не привезли. А ведь обещались! Владимир Николаевич уже успел и пообещать некоторым богатым горожанам их города, не успевшим прикупить кукол своим детям, что край на следующей неделе они их получат.

— Надо Сергею Александровичу писать, — вздохнул купец. — Беда у него там что ли приключилась? Неужто опять кто его лесопилку пожог?

Купец даже слов своих испугался. Перекрестился и сплюнул три раза через плечо.

— Свят-свят, — постучал он по столу.

Затем вспомнил, что у Винокурова день рождения завтра. Может, в этом дело? Замотался Сергей Александрович, вот и не дал команды на отправку? Такое тоже вполне могло быть, все же он дворянин, а не купец. К деньгам у аристократов часто более легкомысленно отношение, чем должно. Тут Владимир Николаевич пожалел, что отказался ехать к Винокурову на день рождения. Пожалел себя и свое здоровье. И вот — не может сразу обо всем разузнать. Лишь открытку послал, да подарок по почте.

— Ну, авось на следующей неделе Сергей Александрович сам напишет, — нахмурился купец. — Но весточку еще одну я ему отправлю...

Царицын

Борис Романович с глубокой досадой собирался к главе магистрата. Как он выяснил, в город прибыл высокий чин морского ведомства аж из самого Петербурга! И сегодня он прибудет в офицерское собрание. Как было бы замечательно устроить его снова в своем доме и в неформальной обстановке познакомиться с ним. Но нет, он уже дал свое согласие на посещение именин дочери Николая Степановича. И даже отказаться нельзя. Не тогда, когда и так репутация находится под угрозой из-за разлада в семье дочери.

— А было бы интересно узнать, чего он на Скородубова взелся, — мечтательно прошептал мужчина.

И ведь непонятно — это сам Петр Егорович где-то дорожку Роману Винокурову перешел и на него проклятие так действует, или причина в ином? И тогда было бы интересно увидеть — действует ли проклятие юноши на тех, кто дорожку не ему, а его близким переходит? Но это все мечты. Лично ничего Борис Романович не увидит, остается лишь ждать, а потом довольствоваться слухами. От чего настроение падало еще ниже.

— Арина! — взревел он, — ты долго там еще собираться будешь?!

— Уже почти готова, папенька, — послышался голос девушки из ее комнаты.

— Ох, ну что же все не к месту-то? Именины эти... развод будущий... прям беда какая-то!

В другом конце города собирались те самые офицеры, к которым на собрание так хотел попасть Михайлов. Контр-адмирал принял их приглашение, но пока задерживался. И моряки могли обсудить предстоящий вечер без оглядки на высокий чин.

— Как думаете, поможет наша задумка Петру Егоровичу? — спрашивал у Волошина Картавский. — Эх, жаль, что я картину с баталией уже в столицу отправил.

— Ничего иного мы сделать не можем, — пожал плечами Емельян Савватеевич.

— А вы уверены, что парень придумает новую песню? — засомневался Яков Димитрович. — Он ведь сам говорил — на него как «озарение» сходит...

Картавский намекал на вторую часть задумки Волошина — после успешной, в чем никто не сомневался, презентации песни предложить господину контр-адмиралу, чтобы юноша еще что-нибудь такое же исполнил. С упором на то, что из-за расстройств от заключения будущего тестя под стражу, ни одной новой композиции тот сделать не сможет, а освобождение поспособствует творческому порыву талантливого поэта и композитора.

— Если так любит Анастасию, уж извернется, — дернул щекой офицер, который и сам понимал, насколько хрупки их предположения и надежды.

— Идет! Идет! — раздались перешептывания по залу.

Группа музыкантов, в которой не хватало лишь Романа, приготовилась в любой момент по отмашке приступить к исполнению песни. Вряд ли это произойдет в первые же минуты визита Краббе, но все может случиться. Иные офицеры выстроились чуть ли не в парадную линию. Никто не знал, как пройдет и чем закончится это офицерское собрание моряков города Царицын...

Глава 4

16 октября 1859 года

Царицын, дом начальника порта

Николай Карлович был раздражен. Когда-то, семнадцать лет назад, он служил в этих краях. Лично участвовал в боях против туркменских пиратов, помогая Персии навести порядок на своих берегах. После русско-персидской войны, которая произошла на заре становления Краббе офицером, противостояний с шахом не было. Наоборот — рос торговый оборот, укреплялись дипломатические отношения, империя открыла свое посольство в Тегеране. И все это было бы невозможно, не докажи Россия свою силу тогда, и позже, когда лично Краббе показывал персам, как стоит воевать на море.

Вот только годы идут, а противники в Европе не дремлют. Союз Персии и Российской империи не по нутру Англии. И та всеми силами старается перетянуть шаха на свою сторону. Как увещеваниями, так и шантажом. И ее позиции при дворе шаха укрепляются. Николай Карлович даже слышал слухи, что из-за этого Его Величество дал отмашку наладить контакты и с противниками шаха внутри Персии. Если бы не англичане — это было бы немислимо. Россия всегда ставила союзнические отношения во главу угла. Вот только после Крымской войны позиции империи в регионе пошатнулись. Не будь того поражения, шах Персии и дальше не замечал бы намеков британцев на сотрудничество.

И тут контр-адмирал получает сообщение, что какой-то капитан бросил свой пост! В том регионе, где сам Краббе доказывал всем и каждому, что русские — это СИЛА! Русские — не трусы! Из-за одного малодушного офицера выстраиваемая репутация доминирования российского флота на Каспии могла быть потеряна.

Когда Краббе прибыл в Царицын и стал разбираться в происшествии, всплывало все больше и больше вопросов, что лишь запутывало ситуацию. Почему он и приказал членам комиссии — смотреть и искать дотошно, но честно. И пока никаких результатов! Все характеризуют этого Скородубова как офицера честного и храброго. Есть и награды. Капитаном стал лишь недавно, это был буквально его первый рейд в таком чине. Команда его любит, что и вовсе удивительно. Во флоте была распространена практика телесных наказаний младших чинов, которую Николай Карлович безжалостно искоренял. Но тут про такие вольности матросы не слышали. Нет, так-то прилетало им, но уж точно не от самого Скородубова и не по его приказу. Краббе сам видел, что любовь эта у экипажа — не наигранная. Что еще сильнее ставило в тупик и давало повод задуматься об измене. Какими мыслями на второй день мужчина и поделился с членами комиссии. И те стали искать в этом направлении.

С точки зрения контр-адмирала, уход шхуны с рейда был выгоден многим противникам России. И Англии — в первую очередь. Но и персы этому наверняка обрадовались, ведь на море две державы несмотря на всю дипломатию конкурировали за контроль над водным пространством.

Пока никаких ниточек найти не удалось, вызывая еще большее раздражение у мужчины. Потому он и согласился прийти на офицерское собрание — может, кто в кулуарах из сослуживцев этого капитана что-то расскажет лично, о чем боится поведать в открытую. А тут — можно будет отойти в сторону для разговора тет-а-тет, и никто этому не удивится и ни в чем подозревать не будет своего собрата моряка. Как же! Ведь повод такой — с самим исполняющим обязанности управляющего морским министерством лично на собрании общался! Личный статус от этого у офицеров взлетит в разы.

Несмотря на то, что отец Краббе был чистокровный финном, а мать — молдаванкой, сам Николай Карлович называл себя и считал «природным русаком». От чего и служил своей

стране верой и правдой, защищая ее интересы от любых посягательств. Как внешних, так и внутренних. И собирался это делать и здесь, в отдалении от столицы.

К почитанию со стороны нижних чинов адмирал уже привык, но не любил все эти церемонии. Поэтому когда зашел на собрание и увидел выстроившихся офицеров, тут же дал отмашку «без чинов». Пройдя по залу и со всеми поздоровавшись, Николай Карлович не мог не заметить странного оркестра. Точнее — небольшую музыкальную труппу. Необычно в ней было все — и состав инструментов, и барабан, похожий на чудного монстра, и сами музыканты. За барабаном — кадровый, пусть и вышедший на пенсию, военный. У контрабаса — профессиональный музыкант. А вот остальные члены этой труппы — бродячие артисты. Наметанный глаз Николая Карловича сразу срисовал такие нюансы. Про патриотическую новую песню, которую хотят ему показать, Краббе доложили еще до визита на собрание. И столь... авангардный состав труппы подогрел интерес адмирала. А откладывать разгадку тайн он не любил.

— Полагаю, эти музыканты и есть — те самые исполнители новой песни? — задал он вопрос начальнику порта, являющегося лидером местного собрания.

— Так точно, господин контр-адмирал!

— Я же просил, без чинов, — поморщился Краббе.

— Прошу прощения, Николай Карлович, — повинился Александр Анатольевич.

— Пусть начинают. Любопытно, что вы приготовили, — дал отмашку адмирал.

С удобством усевшись на предложенный стул, Николай Карлович откинулся на спинку и замер в ожидании. С первых же мгновений мужчина понял, что ничего подобного не слышал нигде и никогда. А в какой-то момент поймал себя на том, что уже стоит на ногах, словно слушает военный марш, и сам готов ринуться снова в бой. Сама песня была громкой, напористой, как натиск в бою, и такой же короткой. Вот уж произвели на него впечатление, так произвели!

— Позвольте спросить, а кто автор сего произведения? — отойдя немного от шока, обратился Краббе к начальнику порта.

— Вам понравилось? — первым делом уточнил Ставросов.

— Безусловно, — Николай Карлович не привык врать и утаивать, да и словесных кружев не плел. Не в его это характере.

И лишь получив его ответ, Александр Анатольевич принялся подробно расписывать, откуда появилась эта песня.

— Автор — молодой юноша. Сын одного из помещиков, а заодно — будущий зять Петра Егоровича. Довольно юн, но уже крайне талантлив. Не только в стихосложении, он еще и прекрасную баталию написал про битву у Синопа! Мы ее отправили в «Военный сборник». Очень надеемся, что ее напечатают. Вы бы видели это полотно! Словно сам находишься в гуще сражения... И ведь если бы этот Роман Винокуров не познакомился с дочерью Петра Егоровича, то и мы не получили бы такие шедевры. Лишь благодаря господину Скородубову парень заинтересовался военным делом.

Краббе, слушая восхваления начальника порта, тут же уловил, к чему он клонит. Все же несмотря на всю свою прямоту, в интригах адмирал был искушен. Другие надолго и не задерживаются на высоком посту. Вот только слова Ставросова вызвали у адмирала противоположный, на который надеялся начальник порта, эффект. Николай Карлович внимательно слушал его, но мысль у Краббе повернула в иное направление.

«А что если вот она — ниточка, за которую можно потянуть и раскрыть, кто стоит за уходом этого капитана с рейда? Такое звучание песни... оно ведь не наше, не русское. Хоть слова и правильные, но эти инструменты... Барабаны опять же больше для Африки привычны. А кто у нас там хозяйствует? Британцы! Надо дать комиссии приказ — разузнать все, что возможно, об этом молодом даровании. Может, он связной?.. Эгей! Да этот юноша еще и недавно из Петербурга вернулся?! Там его и завербовать могли. А тут с кем он общается?.. Часто в Царицын ездит? Ради невесты? А не прикрытие ли это?»

Сделав вид, что очень благостно отнесся к рекомендациям Александра Анатольевича, мужчина с сожалением отметил, что жаль, что этого юноши нет в городе — было бы неплохо с ним познакомиться. Попутно Краббе этими словами залегендировал будущий интерес комиссии, когда ее члены займутся сбором сведений о Винокурове. И после этого пошел к членам труппы — отдать им должное за исполнение. Все-таки враг или нет этот юноша, но песня и правда цепляет. Такую не грех и перед императором исполнить. Было бы неплохо вернуться в столицу не только с отчетом о проведенной проверке, но и с таким вот «подарком».

Григорий был доволен. Не зря он решил задержаться в Царицыне после того выступления и первого показа этой удивительной песни! Да, ставка на Винокурова себя оправдала. Чутье музыканта Тишкова не подвело.

Когда он вместе с новой, собранной «на коленке», труппой выступил перед местными офицерами, то произведенный фурор опьянил Тишкова. Григорий решил, что вскоре их станут звать все местные дворяне, и даже можно будет выбирать — к кому прийти, а кому вежливо отказать, набивая себе цену. Увы, эйфория быстро схлынула. Винокуров умчался куда-то по своим неведомым делам, фактически бросив их. Завадский не мыслил выступление перед кем-то кроме офицеров, а остальные музыканты... Ну что взять с бродячих скоморохов?

Тогда Григорий решил все же задержаться на некоторое время в городе и дожидаться Романа. Мужчина считал, что тот должен ему деньги за великолепное выступление. Помимо тех, что он уже получил в качестве «компенсации» за свои издержки. Попутно контрабасист решил переиначить некоторые знакомые песни на новый лад. Показанная Винокуровым игра увлекла Тишкова. Он увидел в ней то, что давно искал — свой собственный стиль, по которому его будут узнавать во всем мире.

И вот — это ожидание не прошло даром. Сегодня опять выступление перед офицерским собранием, но гость собрания! Вот кто впечатлил и вселил надежду в Григория — целый контр-адмирал из столицы! Если ему понравится их игра, то можно будет попытаться «сесть тому на хвост» и убедить, что необходимо взять Тишкова с собой. Заодно Григорий Лукьянович хотел показать ему и переработанные известные марши в исполнении его контрабаса. Николай Карлович Краббе мог стать тем трамплином, который вознесет Тишкова на вершину славы! И Григорий во время исполнения песни старался не за страх, но за совесть.

И вот оно!.. Надежды мужчины оправдались. Адмирал подошел к их труппе, чтобы лично поздравить с превосходным исполнением. И даже опередил желание Григория своим предложением:

— Уверен, эту песню необходимо исполнить в Петербурге. Предлагаю вам отправиться со мной в столицу, когда я закончу здесь свои дела.

Естественно, что Григорий был лишь «за»! Как и ошалевшие от такой чести скоморохи. Все испортил старик Завадский.

— Мы бы с радостью, ваше превосходительство, вот только как же мы поедем не в полном составе-то?

Краббе удивленно выгнул бровь, а старик тут же и пояснил.

— У нас солист — автор песни, Роман Сергеевич Винокуров. Но сейчас его нет в городе, вот и пришлось Митяю его подменить, — кивнул на мужика, который до этого был в «хоре» Ульян Игоревич. — С его голосом она чуть иначе звучит. Да и как же это можно — без разрешения автора, пусть и устного, перед высшим светом песню исполнять? А ну как обидится? И что про нас тогда говорить станут? Ворами обзовут? Я не вор, ваше превосходительство.

— Но сейчас же решились исполнить песню и без такого разрешения? — заметил адмирал, нахмурившись.

— То, чтобы вам показать, какое влияние Петр Егорович на Романа оказал. Он же до того ничего подобного и не являл обществу. А тут — Петр Егорович его с офицерами познакомил.

А те и увлекли его славой русского оружия. Сам он служить не может пойти — наследник рода — но вот так сделать вклад в поддержку и развитие нашего флота тут же согласился.

— Тогда напишите ему, чтобы приехал. Я хочу поговорить с ним лично. А если не сможет, то пусть даст свое согласие, которое так вам нужно. Раз уж он так хочет помочь флоту, то уверен, уж в такой малости пойдет навстречу.

На этом разговор с Краббе и закончился, к огромному сожалению Григория. Адмирал ушел к офицерам, а Тишков смотрел на их барабанщика волком. Вот зачем он влез?! Оставалась надежда подойти к Николаю Карловичу чуть позже и все же провести разговор уже о личном выступлении Тишкова в столице. Хотя вариант с песней был бы надежнее. Ведь в Петербурге гораздо больше адмиралов и прочих офицеров, которых можно заинтересовать своей игрой.

Поместье Винокуровых

— Уф, устал, — выдохнул я, когда мы с Людой в третий раз сыграли «собиратель легенд». — Может, хватит? — взмолился я.

— Нужна еще одна песня. Давай «Я помню чудное мгновение» отрепетируем? — с горящими глазами предложила сестра.

— Почему именно этот романс?

— Так он популярен, — пожалала та плечами. — Мне так Софья Александровна рассказывала. А я его еще ни разу не пела.

— И я его не знаю, — отрезал я.

Хотя само стихотворение Пушкина я помнил. Но тут же нужны аккорды, чтобы сыграть. Вот их-то я и не знал. Людмила расстроилась, но духом не пала. Были романсы, которые сестра выучила, но сейчас хотела бы со мной их спеть. Но каждый из них мне был не по нутру. К тому же уверен, и кто-нибудь из гостей захочет нечто подобное исполнить. Не только мы свои таланты показываем на таких мероприятиях. Помню еще, как меня Сокольцевы просили выступить, когда я у них гостил.

— А какие папе романсы по душе, ты у него не спрашивала? — вскинул я бровь.

И сразу получил ответ, что «Вечерний звон» папе нравится. Мда, не совпадают у нас музыкальные вкусы совершенно.

— Я с мамой еще французский романс учу — «Ouvre ton cœur», но он мне пока тяжело дается, — вздохнула сестра. — Слишком сильный у меня акцент.

— А почему именно его? Тоже — популярный? — усмехнулся я.

— Да, очень! — жарко закивала Люда. — И папе Франция нравится. У папы «Мушкетеры» Дюма в библиотеке одними из первых появились, как мама рассказывала.

— Вот как?

Даже сестра об отце больше меня знает!

— И как ему книга? Нравится?

— Да, — кивнула Люда. — Только я не знаю почему, но главного злодея — кардинала Ришелье — папа таким не считает. Он ему не симпатизирует, но и плохо о нем не говорит. Как же там... — нахмурилась брови девочка. — А! Папа называл его «неоднозначной личностью», вот.

Надо же. А я ведь целых две песни про этого кардинала знаю. В стиле «рок». И там кардинал тоже показан очень не однозначной личностью. Интересно, а если их исполнить, они папе понравятся? Ну не хочу я эти романсы местные петь!

— Давай все же перерыв сделаем, — предложил я Люде, сам задумавшись над пришедшей идеей.

— Ладно, — вздохнула она, увидев, что меня сейчас не переубедить.

Вернувшись в свою комнату, я сначала немного дал отдохнуть пальцам, а потом все же взялся за подбор аккордов к обеим песням. Какая на мой взгляд лучше получится по звучанию, ту и можно будет показать. Сначала — Людмиле и маме. Узнать их мнение. Если они «добро» дадут, тогда уж и на празднике исполнить. Теперь без одобрения близких, которые знают о моих «особенностях» и привыкли к ним, я песни из будущего постараюсь «в свет» не выпускать, чтобы проблем на ровном месте не получить.

Когда подбирал аккорды, остро жалел, что под рукой нет собранной для «Петропавловска» группы. Тут ведь и барабаны в обеих песнях звучат, и контрабас бы подошел как нельзя кстати. А то, что на одной гитаре получилось сыграть, снова как кастрированное произведение звучит для моего слуха. Я-то в курсе, как в оригинале должно это быть.

— Братец, ты уже отдохнул? — заглянула ко мне Людмила, привлеченная моим брэнчанием по струнам.

— Немного, — буркнул я.

— Ты не хочешь еще одну песню для папы выучить? — с грустью в голосе поняла сестра.

— Мне не нравятся романсы, — решил я честно признаться.

— А что ты такое здесь играл? — тут же любопытствовала она.

Представлять сразу две новые песни родным я посчитал перебором. Всего должно быть в меру. Но вот одну... Только не в доме, чтобы отец не услышал. Если песню Люда с мамой одобрят, пусть будет ему сюрпризом на день рождения. Поэтому сказал сестре позвать маму, а когда та пришла, предложил пойти прогуляться. Ага, с гитарой. Те поняли, что дело тут нечисто, и заинтригованные двинулись следом.

Пройтись я предложил до гостевого дома. Там хотя бы крыша есть и никого постороннего рядом, да и идти недолго. Лишь приказал Тихону принести нам несколько стульев — чтобы было на чем сидеть. Играть стоя не очень удобно, как и слушать. По пути меня и перехватил Михай. Приказчик пришел за деньгами для печи. Пришлось на минуту отвлечься и выдать ему необходимые средства. Но вот потом мы все же обосновались в новом доме. Окон тут еще не было, как и дверей, из-за чего помещения продувались. Но хоть сверху ничто не льет. И запах свежей древесины приятно щекотал нос, примиряя с отсутствием прочего комфорта.

После первого исполнения, мама поежилась от набежавшего ветерка и с усмешкой заметила:

— Снова на тебя вдохновение накатило? Ничего подобного я раньше не слышала.

Я лишь сделал смущенное лицо и пожал плечами.

— Но слова интересные, — покачала она головой, — и ритм... необычный. Впрочем, как и в других твоих песнях.

Стало опять неудобно, песни-то не мои. А вот Людмила огорченно вздыхала, понимая, что ее любимый романс я точно не исполню. Мама-то ничего против песни не высказала. Значит, дает «добро».

— Но я бы еще инструментов добавил, — вздохнул я после возникшей паузы. — Мне кажется, тут барабанов не хватает.

— А почему барабанов? — удивилась мама. — Для чего они?

— Ну как? Ты только послушай! — стал я убеждать необходимость в их наличии.

И тут же стал выстукивать ногой ритм, попутно подыгрывая гитарой. Давалось мне это с трудом — контролировать сразу и перебор струн и за выбиванием ритма следить... Сложное занятие. Может поэтому и не убедил я маму в своих словах.

— И с гитарой все у тебя отлично получается, — заявила она.

Конечно. Не избалованы тут пока еще качественной аранжировкой. На этом «прослушивания» и закончились. Дамы ушли, а я отправился искать Митрофана. Пришла мне на ум мысль, чтобы он мне на дудочке подыграл. Есть в песне моменты, в которые она впишется, если соответствующую тональность будет иметь. А дудочек у нашего конюха навалом. Часть

уже и продать успели через лавку Сычева. Но все равно уверен, штук пять самых разных у мужика наберется. Подберем с нужным мне звуком. Заодно и постукивать будет, ритм задавая. Авось, хоть немного приближусь к истинному звучанию.

Митрофана я нашел, но поговорить с ним не успел. Вдали показалась карета — кто-то ехал из гостей. По здравому размышлению это могли быть только Скородубовы. Все остальные завтра приедут. Только если совсем уж кто-то неожиданный решил заявиться.

Я не ошибся в своих предположениях. В карете сидели Анна с Настей. Только почему-то без Петра Егоровича. Я конечно помню, что он к проверке готовится, но все же мужчина обещался приехать. Видимо что-то серьезное случилось, что он нарушил свое слово.

Обе девушки были мрачными, хоть и старались это не показывать. У Анастасии это получалось лучше — она была рада меня видеть и это, очевидно, помогло ей переключиться с плохих мыслей. А вот Анна улыбалась вымученно и уже через несколько минут беседы призналась, что переживает за отца.

— Проверка уже приехала, — делилась она, — и на второй день его посадили под домашний арест, — ошарашила она нас новостью.

— Неужели все так серьезно? — нахмурился папа.

— Да, — кивала девушка. — Но я получила телеграмму от Ивана. Он заверял, что от дипломатического ведомства во флот ушла бумага, где про папу только хорошее написано! — тут же вскинулась она, больше скорее желая себя приободрить.

Я понял, что она имела в виду Милашина, а вот моим родным пришлось объяснять — кто это такой и с чего такие заявления делает, да и вообще телеграммы девушке шлет. Но переживания за Петра Егоровича — это одно, а праздник впереди — совсем иное. Скородубов далеко, а гости уже завтра приедут. И мысли нашей семьи на этом сосредоточены были. Постепенно и девушек удалось втянуть в предпраздничную подготовку. Особенно Люда старалась. Провалившись со мной, она решила убедить близняшек помочь ей и отретпетировать романс. И слава богу! Я хоть выдохнул немного, да сбегал на кухню — проверить, как идут дела у Прасковьи. Но там проблем не было. Девчонка оказалась не только сообразительной, но и аккуратной. Торт уже по большей части был готов, а сейчас она занималась его украшением. К ночи закончит, как она меня заверила. Ну и хорошо.

Что меня еще порадовало — Настя не заметила подарок Кристины в моей комнате. И я разрывался в сомнениях — рассказать про него, или не акцентировать внимание? С одной стороны если сам ей покажу и расскажу, то завтра Кристина не сможет неприятно удивить мою невесту, если решит сыграть на этом и вбить клин между нами. С другой стороны — если Уварова так поступит, то я могу с чистой совестью Насте сказать, что просто не придавал такого значения ее работе и выполнил обещание, которое у меня «выцарапали» втемную. У обоих вариантов есть свои плюсы и минусы. В итоге я решил положиться на волю случая. Сам говорить не буду, а если всплывет — показать, что не придаю я этой картине такого значения, как сама Уварова, и лишний раз ее характер для Насти покажу, чтобы она на новые ее подначки не велась.

С такими мыслями и закончился для меня этот день.

Глава 5

17 — 18 октября 1859 года

Утром я пропустил свою привычную тренировку. Причина была уважительной — все встали пораньше, чтобы сходить в церковь не просто помолиться, а на праздничную службу. Батюшка Феофан ради дня рождения отца расстарался. Более того — даже крестьяне из всех деревень прибыли несмотря на плохую погоду. И под конец службы мне стало ясно их рвение.

Отец вышел на порог церкви и принялся держать речь. Благодарил крестьян за честный труд и верное служение, попутно те кричали ему здравицы и многих лет жизни. Отец аж млеет от такого. А под конец выделил целых пятьдесят рублей крестьянам — накрыть праздничный стол в его честь. Как понимаю, такое каждый год происходит, иначе бы крепостные из дальних деревень не явились. Тут же — все знали, что барин будет щедр и «поляну накроет». Как обычно после объявления о щедром пожертвовании отец подозвал старост и передал деньги им. И уж после мы отправились в дом.

Завтрак был легкий. Впереди ожидался прием гостей, богатый стол с угощениями, да легкие закуски, когда все перейдут в зал — праздновать. Успеет еще живот набить. А к одиннадцати часам подъехали первые гости. Ими оказались наши соседи Уваровы в полном составе.

Встречал их отец на пороге, как и положено. Леонид Валерьевич искренне улыбался — засиделся дома. Да и младшие его племянницы источали позитив. Лишь Кристина слегка выбивалась из общего настроения их семьи. Но не тем, что не радовалась, а глазами, которыми чуть ли не «пожирала» меня. Настя тоже это заметила, но промолчала. Лишь посильнее стиснула мою руку, да мило улыбнулась Уваровой в ответ на приветствие.

Дальше уже все разделись в прихожей и прошли в зал. Вот тут Кристина преподнесла еще один «сюрприз». Ее платье максимально подчеркивало грудь, которая успела подрасти. Да, немного, все же времени с нашей последней встречи тоже прошло всего чуть, но она росла — что и постаралась подчеркнуть девушка. А так как годков ей поменьше, чем Насте, то это означало, что Кристина еще не до конца оформилась. И может в будущем даже перещеголять мою невесту по «верхнему параметру». Видимо это тоже был намек и Насте, и мне самому. Я сделал вид, что не обратил на него внимания. В остальном Уварова вела себя прилично. Колкостей не говорила, была учтива, и даже глазки мне не строила. Возможно, это только пока — чтобы «усыпить бдительность». Не Настину, а своих родных. Те ведь тоже не слепые, все замечают.

Через полчаса подъехала княгиня Белова, и почти сразу за ней — Зубовы с Георгием Викторовичем. С их появлением все переместились в столовую. Там и отдохнут с дороги, и поедят — многие уже проголодались.

Застолье началось с тостов. Особенно старался Георгий Викторович. Но он известный любитель выпить. Да еще и засидеться допоздна у него не получится, вот и старается побыстрее достичь того состояния, которое обычно к концу вечера на всех находит.

Когда все утолили первый голод, пришел черед и подарков. Сначала дарили мы, как и положено. Мама протянула отцу коробочку, из которой он достал позолоченное перо. Я уже знал о нем, потому не удивился, а просто разглядывал подарок. Острый кончик, тонкое стило и наверхие, сделанное под «гусиное перо». Дальше пришел мой черед — по старшинству.

— Ну-с, — хитро посмотрел на меня отец. — Чем удивишь?

В следующий раз не буду подходить и спрашивать — что подарить. Если бы не пришедшая в голову идея с головоломкой, то мог бы сейчас и расстроить отца. А так — он сначала был озадачен, а как я ему и всем гостям объяснил суть игры, весьма удивлен и обрадован.

— Вот это ты затейник, — уважительно покачал он головой. — Такого я точно не ожидал!

Дальше шла Людмила. Она подарила носовой платок с вышитыми по краю инициалами папы. За ней уже пришел черед близнецов. Я думал, они что-то из самодеятельности покажут в качестве подарка, но братья решили не отставать от взрослых. Правда в силу малого возраста и подарок у них вышел не дорогой и не слишком аккуратный. Зато от души — выстроганные из дерева ножички. По одному от каждого брата. Вручали они их так, словно это именно холодное оружие, но никто не смеялся. А вот умилялись почти все.

После нас отдариваться пришлось Зубовым. Владимир Михайлович свое слово сдержал и вручил папе охотничье ружье. Дульнозарядное, с красивой гравировкой ложа и кульком пуль да мешочком пороха. Все это лежало в специальной шкатулке. Там же были принадлежности для чистки. Их подарок был совместным с тетей, потому черед дошел до Алдонина.

Георгий Викторович отходить от своей страсти не стал и подарил бутылку дорогого вина и коробку сигар. Последним отец особенно обрадовался. Так дальше по очереди отдарились и остальные.

На этот раз Белова ничего экстраординарного не дарила. Всего лишь томик стихов, которые отец взял с вежливой благодарностью. Уваровы преподнесли хрустальную пепельницу с крышкой, а сестры Скородубовы — шарф с вышитым серебром именем по краю. Полагаю, это Анна постаралась. Неплохо она уже овладела этим ремеслом. Настя если и вложились, то деньгами. Или выбирала сам шарф — тут не знаю, как они распределяли роли, но подарок был от них обеих.

— Предлагаю пройти в зал, — минут через десять после завершения вручения подарков предложил отец.

Никто не был против. Я вообще удивлен, почему не там мы вручать подарки стали. Видимо это из-за того, что еще не все наелись, а время не резиновое — многим сегодня в обратную дорогу скоро отправляться. Там уже Люда не выдержала и, когда все расселись, взяла гитару. Хорошо хоть исполнять песни начала не со мной. Настю с Аней позвала — они и запели романс. После их выступления настроение в зале приняло лирическое направление. Гости стали вспоминать, какие есть еще романсы в том же духе, высказывались о своих предпочтениях в музыке... И тут предательский «удар под дых» от Людмилы.

— А Роман вчера подготовил тебе сюрприз, папа, — с хитринкой во взгляде заявила сестра. — Он узнал, что тебе кардинал Ришелье нравится и о нем песню сочинил.

— Ну, не сказал бы, что он мне нравится, — протянул отец, — мне импонирует, что он — патриот своей страны. Но будет интересно послушать, что такого Роман про него придумал.

Блин, а я так и не отработал с Митрофаном исполнение! Придется ограничиться одной гитарой. С одним инструментом песня конечно гораздо хуже звучит, но что уж теперь. Я горестно вздохнул, с осуждением посмотрел на сестру и пошел за своей гитарой. Когда вернулся, все уже замерли в ожидании. Многие знали, что «мои» песни абсолютно не похожи ни на что современное. И я их не разочаровал:

— Блится сказочный Версаль
Мелькают слуги, господа
И никому совсем не жаль
Казненных снова без суда.

Медленное размеренное начало лишь усилило общую расслабленность у гостей. Тем большим контрастом стала для них последняя строка первого куплета. Вот тут они уже встрепенулись. Былая расслабленность не улетучилась, но дала сильную трещину. Дальше это нагнетание лишь продолжилось:

— На троне красный кардинал
Король забыл своих людей
И словно в мир кривых зеркал
Французов гонит наш злодей...

Классический образ негодяя сформировался у всех вокруг. Но дальше я перешел к припеву:

— Жан дю Плесси, де Ришелье
На чьей воюет стороне?
Зачем пугает короля?
Зачем ломает и с нуля...
Возводит замки, города!
И почему он враг тогда?..

Вот такого резкого поворота в повествовании никто не ожидал. Вижу, как Георгий Викторович аж открыл рот от удивления. И в своих чувствах он был не одинок. А второй куплет лишь усилил эту неоднозначность:

— Жан дю Плесси, де Ришелье
Карьеру сделал на вранье
Сказал бы каждый гугенот...
Ну, а ещё создал он флот.
И Академия Франсе
Стихов достойна и эссе.
Стихов достойна и эссе...

И через время мушкетёр
Готов признаться сам себе
Что кардинал, будто костёр
Тепло давал серой толпе*.

* — группа Хеменис — «Жан дю Плесси де Ришелье»

И вот после второго куплета я снова затянул припев. Если куплеты исполнялись больше в виде некоего рассказа — с той же ритмикой и без тянущихся нот, то в припевах все было наоборот. Тут и голос мне пришлось поднапрячь, и некоторые слова пропеть с упором на гласные для нужного эффекта.

В последнем куплете первые строки были точным повторением из первого куплета, как бы возвращая слушателя к началу. Дальше шло упоминание Бекингема — английского герцога, с которым враждовал кардинал, и это давало намек — почему были казненные и никому их было не жаль — предателей никто не жалеет. Ну и в конце я повторил припев, который заканчивался строками «И почему он враг тогда?», заставляя слушателя задуматься над ролью кардинала в жизни Франции — а такой ли он был для нее тиран и деспот и вообще — негодяй?

Минуту гости «переваривали» прослушанное, после чего началось активное обсуждение. Но не меня, к счастью, а личность самого кардинала.

— Сильные люди всегда ведут себя не однозначно, — заявлял отец. — Со стороны они могут выглядеть последними негодьями, но их поступки направлены во благо. И наоборот — под личиной агнца божьего любят скрываться приспешники дьявола. А даже если они сами по себе хорошие люди, то они просто не могут применить силу, чтобы заставить врага и подлеца умыться кровью. Это противоречит их натуре. И подлец побеждает.

— Не соглашусь с тобой, Сергей, — покачал головой и вступил в спор Алдонин.

И пока более взрослая часть нашего собрания принялась спорить эту тему, те что помладше скучковались вокруг меня. Люда напомнила, что у нас заготовлена еще одна песня, а я кивнул на родителей и гостей — мол, негоже их сейчас прерывать. И этим воспользовалась Кристина.

— Согласна, не будем отвлекать старшее поколение. Может, Роман, ты дашь мне еще несколько уроков пока есть время? Уже в стихосложении... — тут она повернулась к сестрам Скородубовым и «доверчиво» поделилась. — Роман прекрасный учитель! Даже меня, с моим нулевым талантом к рисованию, сумел обучить написанию портретов.

— Вот как? — хмыкнула Настя и, желая ее подловить, задала вопрос, на который и рассчитывала Уварова, — позвольте тогда посмотреть ваши работы?

— Большинство лежат у меня дома, но я подарила одну моему учителю, — кинула на меня самый многообещающий взгляд девушка. — Она висит в его комнате.

Вот и настал тот миг, о котором я думал вчера. Все же Кристина не удержалась от попытки вбить клин между мной и Настей. Отказывать девушкам в их желании посмотреть картину, не было причин, поэтому мы прошли ко мне. И далеко не сразу на фоне других написанных мной портретов нашлась работа Уваровой. Естественно, что моей невесте не понравилась та поза, которую изобразила «моя ученица». Вот только на этой картине мы хоть с Кристиной и стоим в обнимку, но довольно по-светски. Я обнимаю девушку за талию, а она благосклонно это принимает. Я же сделал в противовес этому творению портрет, на котором мы с Настей тоже обнимаемся, но уже более открыто. Я держу свою невесту в кольце рук, а она положила свою голову мне на плечо. Тут уж никаких сомнений, что стоит влюбленная пара. Довольно сильный контраст получился, поэтому Настя хоть слегка и поморщилась при виде работы Уваровой, но даже похвалила ту за старательность. От чего улыбка Кристины из лукавой и предвкушающей сменилась на натянутую и вымученную.

— Ну так как, Роман, — поспешила она закрепить пусть небольшой, но свой успех. — Вы научите меня стихосложению?

— Мои стихи — это наитие. Вдохновение. Такому не научить, — отрезал я.

Чтобы заполнить возникшую паузу, вмешалась Люда. Разговор с тетей не прошел для нее даром, и она решила передо мной заглазить эту невольную подставу. Тут же стала расспрашивать про недавнюю песню.

— Братец, а ты ведь говорил, что у нее звучание иное должно быть. Что инструментов тебе не хватает. А каких?

Я с радостью ухватился за эту тему и попытался объяснить, что бы получилось, если к гитаре добавить барабанов, скрипку и дудочку. Да и тот же контрабас в некоторых местах очень удачно дополнил бы композицию.

Когда мы вернулись в зал, спор про Ришелье и других неоднозначных персон истории уже завершился, и нас снова попросили что-нибудь исполнить. Тут уже от первоначального плана мы отходить не стали. И в две гитары с Людмилой спели «собиратель легенд». А потом Настя попросила «половинку» спеть.

Спустя час домашний концерт по заявкам завершился. Зубовы хотели уже собираться в обратный путь, но отец уговорил их остаться на торт. От такого Софья Александровна отказаться не могла. Не после прошедшего турнира. Тут же с предвкушением села обратно в кресло и стала ждать, пока слуги вынесут новый шедевр. Никто не сомневался, что торт должен быть именно таким. Мы уже создали себе в уезде славу законодателя моды в этом вопросе, надо поддерживать репутацию.

Прасковья не подвела. Созданный ей замок был именно таким, каким я и посоветовал. Прямоугольное здание с колоннами, декоративным украшением окон и угловыми башенками. Начинка тоже получилась шикарная. Желе удачно дополняло бисквит и крем, разнообразив вкус.

Но все же на этом Зубовы были вынуждены попрощаться. Обратный путь им предстоял не близкий.

Пока тетя обнималась с отцом и моей мамой, ко мне подошел Владимир Михайлович.

— Не хотел говорить раньше, чтобы не портить праздник, — вздохнул он и протянул бумажку. — Это мне прислали офицеры Царицына на твое имя.

Телеграмма. И не от кого-нибудь, а аж от начальника порта — господина Ставросова. «Контр-адмирал Краббе желает видеть Романа».

Вот и все. Ни кто это такой, ни для чего я ему понадобился. Понимай, как хочешь. Хотя учитывая ситуацию с Петром Егоровичем, то это видно кто-то из проверяющих, если и вовсе не глава комиссии. Но зачем ему я-то понадобился? Впрочем, никакой вины за собой я не чувствовал, и даже наоборот — может мои слова как-то помогут будущему тестю? Не знаю, каким образом я там смогу помочь, но если такая вероятность имеется, то и стоять в стороне я не намерен.

— Полагаю, тогда мне тоже нужно выдвигаться в путь, — вздохнул я.

Зубов лишь молча кивнул. Ехать с ними не было смысла. Они меня только до Дубовки довезут, а там придется билет на дилижанс брать. Зачем, если Анна с Анастасией потратились на извозчика, который их обратно должен увезти? Правда потом выяснилось, что извозчик у Скородубовых тоже лишь до Дубовки заказан, но все равно — ехать в компании двух красавиц, одна из которых моя невеста, несравнимо приятнее, чем дышать «ароматами» от Георгия Викторовича. Алдонин все же умудрился «набраться» — опыт. Да и места в бричке Зубовых не так уж и много.

— Тогда я тоже выезжаю, — вздохнул я. — Можно у вас мне со Скородубовыми переночевать?

— Мог бы и не спрашивать, — с улыбкой хмыкнул Владимир Михайлович.

После такого пришлось известить родных о своем скором отъезде. Мама встревожилась не на шутку.

— Что этот адмирал от тебя хочет-то?

— Вот и узнаю.

— А если грозный будет? Ох, Роман, ты и так еще под следствием, суд не прошел, а тут... Я переживаю за Петра Егоровича, но как бы он тебя за собой не утянул!

— Не наговаривай на него, — поморщился я. — Ничего плохого Петр Егорович про меня никогда не говорил. Он — честный офицер. И вообще, ты забыла, что я песню перед офицерским собранием пел? Может, он тоже хочет ее послушать? А по времени ограничен, вот и просит прибыть.

— Дай-то бог, — перекрестилась мама. — Но сердце у меня неспокойно. Предчувствие какое-то дурное.

— Все нормально будет, — отмахнулся я от ее переживаний.

В этом все мамы — ищут подвох там, где его нет. Зато Настя очень обрадовалась, что мы вместе обратно поедem. Собирались мы в итоге вместе с близняшками и выехали всего полчаса спустя после Зубовых. Так-то Аня с Настей думали у нас переночевать и уже завтра отправиться в путь, но раз такое дело, то пришлось поменять планы. Когда высокий чин тобой интересуется, это не только проблемы, как мама думает, но и новые возможности. Познакомиться с контр-адмиралом выгодно для моих дальнейших планов о создании серьезной репутации и влияния у нас в уезде.

Нанятая сестрами карета была закрытой, поэтому стоило нам отъехать от поместья, как Настя перестала сдерживаться и накинулась с поцелуями.

— Хоть бы меня постеснялись, — пробурчала Анна, с завистью глядя на сестру.

— Вот Иван приедет, так и милуйтесь с ним, — прошептала моя невеста, млея от моих губ на ее шее.

— Он мне не жених. И я не такая бесстыдница, — смущенно возмутилась девушка.

Но была проигнорирована — губы Насти вновь были в моем плену. Распалила меня невеста в дороге знатно. Хорошо, что в усадьбе Зубовых у нас была возможность уединиться. А то, зная уже себя и свое новое тело, я бы потом несколько дней не головой, а другим местом думал.

Утром проснулись мы в одной кровати. Было очень приятно прижимать к себе любимую девушку, которая этому совсем не противится, а даже наоборот — ластится как кошка. Пока мы нежились в постели, Анна успела позавтракать и убежала за билетами. Но потом все же пришлось вылезать из кровати. И на этот раз свою тренировку я пропускать не стал. А через два часа мы вновь тряслись уже в повозке дилижанса. После обеда будем в Царицыне. Там-то и узнаю, что нужно адмиралу, да заодно проясню судьбу Петра Егоровича.

Царицын, съёмная квартира

Николай Карлович читал отчеты комиссии. В выходные понятно, что она почти не работала. Официально. Но неофициально ее члены собирали всю информацию о Петре Скородубове и Романе Винокурове. Вчера вечером они подытожили то, что им удалось узнать, и сегодня после десяти часов эти отчеты легли на стол контр-адмиралу. Сами члены комиссии продолжили инспекцию шхуны «Тарантул». Правда было уже понятно, что кроме факта оставления кораблем боевого поста из-за болезни экипажа ничего там не найдут. И если бы не очевидцы из горожан, отчеты медиков — не только Царицына, но и Баку, куда заходила шхуна после оставления патрулирования — то причина казалась бы Краббе надуманной. Однако факт имел место быть — команда корабля и правда слегла «животами», да так, что продолжать нести боевое дежурство не имела возможности. Проверку интенданта порта, который отгрузил некачественные продукты, Николай Карлович уже инициировал. Но пока — лишь удаленно. К ним обязательно заедет позже, а сейчас его волновал Скородубов.

— Так-так-так, — протянул контр-адмирал, когда принялся за отчеты по молодому юноше.

Его талант художника подтвердился. Уже очень многим он успел написать портреты. Но портреты — не баталии, там иное мастерство нужно. Однако мало ли, может это самородок, который способен что угодно нарисовать? Зато дальше... дальше факты пошли еще интереснее. Например, Краббе сильно удивился, что заказчиков для написания портретов парень изначально искал через сутенершу! Уже одно это говорит не самым лучшим образом о его моральном облике. Но это ладно. К блудницам и офицеры заходят, даже из женатых, хоть сам Николай Карлович такое не приветствовал. Еще сильнее адмирала заинтересовал факт конфликта юноши с главой местного дворянского собрания. Зачем тот отправил слежку за парнем — неизвестно. Почему те напали на него? Тоже пока никто или не знает, или не говорит. Но заявление парня лежит у полиции, это узнать удалось точно. Местный полицмейстер любит «закладывать за воротник» и проболтался, когда к нему подошел судовой врач из комиссии Краббе на одном из приемов. Вообще всех членов комиссии охотно приглашали к себе местные дворяне — ведь они из столицы приехали! Могут многое рассказать о нынешних веяниях в моде, что-то о слухах со двора императора, да и просто — новые люди из их круга.

Тот же полицмейстер рассказал и о том, что парень является убийцей. По случайности и его оправдают, когда состоится суд, но сам факт... Кстати, убил он слугу Михайлова — главы собрания. И кроме того, на парня напали разбойники, а тот от них сумел отбиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.